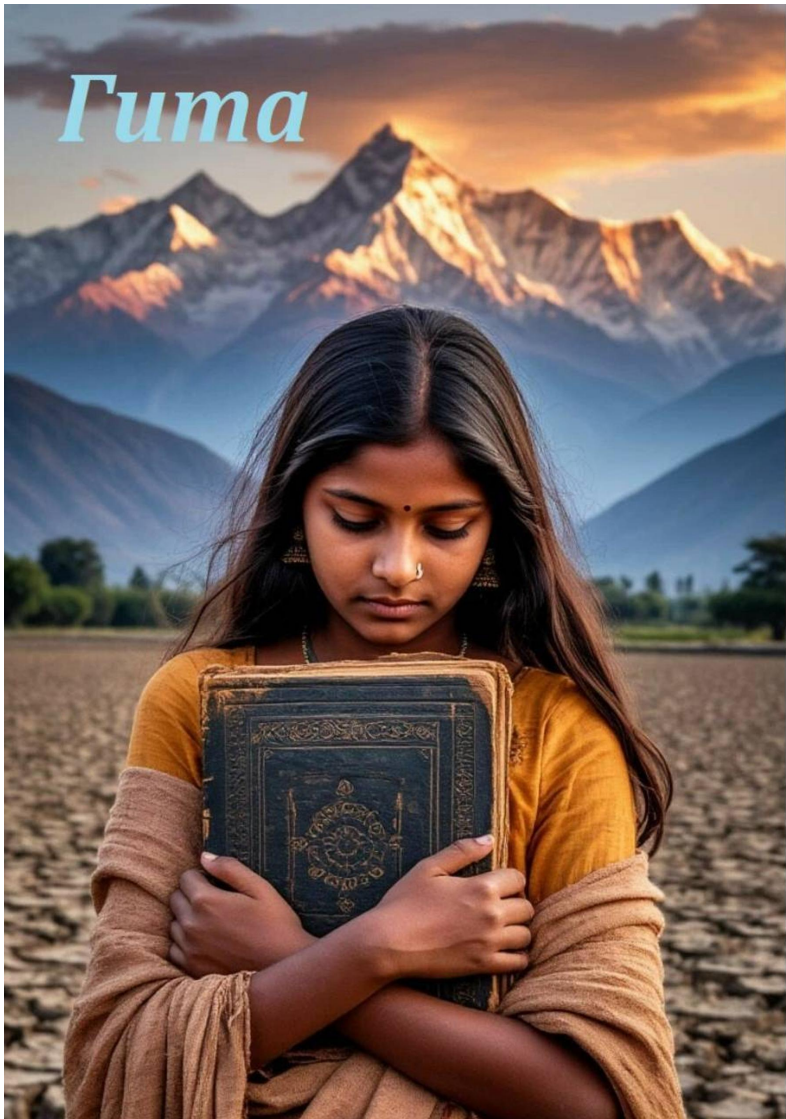

Guma

Александр Урсу

Гита

<https://litres.ru/74383813>

SelfPub; 2026

Аннотация

2038 год. Мир задыхается. Реки пересыхают, ледники тают, войны не прекращаются. В Пенджабе, среди выжженных полей, живёт Джагат Сандху — простой земледелец, который ещё помнит времена, когда дождь был благословением, а не проклятием.

Однажды к нему приходит старый брахман Ведант. Он рассказывает о сне, в котором к нему явился Кришна с предупреждением. Старик просит об одном: взять его внучку Гиту и бежать в горы, в древний монастырь Ки.

В пути и в подземельях монастыря Гита узнаёт, что «Махабхарата» — не просто древний эпос. Она слушает главы о Пандавах и Кауравах — и понимает: история повторяется. Извечный сюжет о зависти, предательстве и выборе между долгом и милосердием оказывается пророчеством о дне сегодняшнем.

«Гита» — это песня о выживании, памяти и о том, что древние учителя знали то, что мы забыли.

Что, если единственный способ спасти будущее — понять прошлое?

Содержание

Глава	4
Введение	5
Эпиграф	6
Глава 1. Рассвет	7
Глава 2. Откровение	10
Глава 3. Путь в горы	16
Глава 4. Монастырь Ки	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Урсу

Гита

Глава

Введение

Когда я работал над этим рассказом, для меня стало открытием то, с какой трепетностью люди прошлого сохраняли древний текст Махабхараты. Они не просто учили его наизусть — они выстраивали целые сложные системы запоминания. Тексты передавались с помощью многоуровневых техник: двойного повторения, перестановок слов, комбинаций — и всё для того, чтобы исключить малейшее искажение.

Видимо, люди из прошлого были уверены, что это знание очень важно для нас, для потомков.

В этом рассказе вы познакомитесь с Гитой — гостьей из будущего, которой предстоит приоткрыть для себя тайну великого эпоса. Её открытия пугают своей правдоподобностью. Но, возможно, именно они помогают нам услышать то, что хотели передать далёкие предки, чтобы мы не повторили их ошибок.

Надеюсь, читатель тоже проникнется этой идеей и, закрыв эту книгу, захочет открыть для себя оригинал великого древнего текста.

Эпиграф

Ты — тот, кто только что показал
мне вселенную в своей груди.
Кто ты на самом деле?

Глава 1. Рассвет

До первых дождей оставалось не более месяца, и дышащий вдали океан уже гнал на равнину удушливый, плотный пар. Все знали: когда муссон всё-таки прорвётся, он обрушится на Пенджаб не как благословение, а как стихийное бедствие. Небо разверзнется, и вода бурными грязными потоками смоет посевы проса, если их не успеют вовремя убрать.

Джагат вытер со лба липкий, соленый пот и посмотрел вдаль. На горизонте становилось светло — приближался рассвет. Увы, не только дожди стали суровы к людям: великое светило днём беспощадно выжигало землю, раскаляя воздух до пятидесяти градусов. Из-за изнуряющей влажности пот больше не спасал, и тело человека перегревалось до смертельного удара за считанные часы. Вся жизнь земледельца сместилась на тёмное время суток: пахали, сеяли и собирали теперь исключительно по ночам.

Джагат с грустью в сердце посмотрел на уголья. Золотая пшеница, которую здесь веками растили его предки, осталась в прошлом — теперь её нежные стебли просто сгорали весной на корню. Уже который год он собирал лишь жёсткое, серое просо, способное выживать в этой иссушенной земле. Мужчина поймал себя на мысли, что за последние годы и сам в какой-то степени превратился в это серое, неприхотливое

просо.

Он перевёл взгляд на дальний край поля, где из растрескавшейся земли торчал ржавый оголовок скважины. Старые колодцы, которые копал ещё его дед, пересохли пять лет назад. Теперь, чтобы выкачать из глубин хотя бы каплю, требовалась специальная техника, от работы которой зависела жизнь не только растений, но и самих людей.

И всё же, несмотря на тяготы, Джагат Сандху чувствовал робкое счастье. Почти весь урожай они успели собрать, народное сопротивление уверенно побеждало, и люди наконец-то поверили, что война скоро закончится.

— Папа, папа! — звонкий детский голос вырвал его из раздумий. — К нам пришёл дедушка Ведант. Он ждёт тебя!

— Хорошо, дорогая Киран, иду, — отозвался отец.

У входа в дом, сложенного из глиняных кирпичей, застыла знакомая фигура. Мудрый брахман Пандит Ведант Шастри был сам на себя не похож: в этот предрассветный час старец выглядел очень встревоженным. Он стоял, опираясь на посох, но не так, как опирается уставший путник — скорее как человек, которому нужна опора, чтобы не упасть под тяжестью того, что он знает. Рядом с ним стояла внучка — десятилетняя Гита. Глаза девочки уже были совсем не детскими: слишком много смертей она повидала за эти годы.

— Ведант-джи, заходи в дом, — Джагат жестом пригласил гостей внутрь, укрываясь от первых лучей солнца. Жена, заведя брахмана, почтительно склонила голову и сразу увела

младших сыновей вглубь прохладного жилища.

— Гита, внученька, пойди поиграй с Киран, — негромко произнёс старик, коснувшись плеча девочки. Голос его прозвучал ровно, слишком ровно — и от этого спокойствия у Джагата похолодело в груди. — Нам нужно поговорить с дядей Джагатом.

— Хорошо, дедушка.

Девочки скрылись за плотной занавеской, и в комнате остались только двое мужчин.

Хозяин предложил гостю располагаться поудобнее на циновках и попить чаю. Наливая в котелок воду, сочившуюся из медной трубки кондиционера-самоделки, он старался не пролить ни капли. Эти уловители конденсата, соединённые с подземным угольным фильтром, превращали уличный пар в питьевую воду.

Джагат поставил чашку перед гостем. Ведант не притронулся к ней. Даже не взглянул. Его руки, сложенные на коленях, дрожали — не по-старчески, а мелкой, напряжённой дрожью. Вода в чашке медленно остывала, и вместе с ней остывала надежда Джагата на то, что этот визит — обычный утренний разговор двух старых друзей.

— Ачарья-джи, очень рад вас видеть, — сказал он.

Глава 2. Откровение

Они сидели в полуподвальной комнате — землянке, которую Джагат вырыл ещё пять лет назад, когда жара стала невыносимой. Стены здесь были земляные, но обшитые старыми досками, потолок низкий, подпёртый почерневшими балками. Дневной свет в помещение почти не проникал — только узкая полоска у потолка, где земля смыкалась с кирпичной кладкой цоколя. В углу тихо гудел самодельный кондиционер: медные трубки, угольный фильтр, капли конденсата, стекающие в глиняный котелок.

Джагат сидел, скрестив ноги, на циновке из рисовой соломы. Одет он был по-домашнему: свободная хлопковая рубашка, грубые штаны, босые ступни, потрескавшиеся от многолетней ходьбы по раскалённой земле. В руках он всё ещё держал чашку.

Ведант сидел напротив. Брахман не притронулся к угощению. Его белое одеяние, ещё недавно безупречное, прилипло к телу от влажной духоты. Пальцы, лежавшие на коленях, подрагивали.

— Как продвигается сбор урожая? — спросил брахман.

— Всё хорошо, почти всё собрали. Успеваем до дождей.

— Да, это хорошо, молодцы.

— С божьей помощью, — ответил Джагат.

— Это правда. С божьей помощью.

Наступила тишина — не пустая, а наполненная мерным капаньем воды из трубки. Кап. Кап. Кап.

Ведант поднял глаза:

— Джагат, а помнишь те времена, когда муссон поил землю и его ждали как благословение?

— Конечно помню. Я тогда был ещё совсем молод. Но с тех пор прошла целая вечность, и теперь дожди превратились в проклятие.

— Ты прав, Джагат. Ты прав.

Джагат отставил чашку в сторону и посмотрел на старца в упор:

— Ачарья-джи, вы ведь не про погоду пришли со мной поговорить. Я вижу — вас что-то беспокоит.

— Ты прав, мой друг. Ты прав.

Ведант выпрямил спину. Дрожь в пальцах прекратилась — он словно собрал всю свою волю в кулак. Взгляд его, устремлённый на Джагата, сделался пронзительным и одновременно отсутствующим, будто он смотрел не на собеседника, а на то, что стояло у него за спиной — далеко, за стенами землянки, за горизонтом.

— Вчера во сне со мной говорил Кришна.

Голос старика прозвучал не громко, но твёрже камня. Джагат почувствовал, как что-то сжалось у него внутри.

Повисла пауза. Ведант прикрыл глаза, собираясь с силами, и продолжил:

— Он сказал, что совсем скоро мир будет объят пламенем

и погибнет.

Джагат сглотнул. Собственный голос показался ему чужим:

— Неужели они используют ядерное оружие?

— А что им остаётся? — Ведант горько усмехнулся. — Эти люди привыкли быть победителями. Если рушится их империя, они разрушат и весь мир.

Джагат нахмурился. Он уважал старого брахмана, знал его всю свою жизнь — и ни разу не слышал, чтобы тот бросал слова на ветер. Перед ним сидел не безумец и не фантазёр. Перед ним сидел человек, который знал — и от этого знания у него дрожали руки.

— Когда это случится, пандит-джи?

— Совсем скоро.

Джагат почувствовал, как пересохло в горле. Простой фермер. Он верил в карму и дхарму, он привык к жаре и войне, но мысль о конце всего мира не укладывалась в голове. Он опустил взгляд и упёрся глазами в свои руки — грубые, в мозолях, всё ещё сжимавшие пустую чашку. Мозг отчаянно сопротивлялся, отказывался принимать такую реальность. На мгновение ему показалось, что это просто дурной сон, что он сейчас проснётся — и всё будет как прежде.

Ведант подался вперёд и положил ладонь ему на плечо. Ладонь была сухой и горячей.

— Не медли, сынок. В твоих руках жизнь твоих близких.

Джагат поднял глаза. В них ещё стояла растерянность, но

голос прозвучал тихо и твёрдо:

— Я сделаю то, что вы сказали.

— Очень хорошо, сынок. Очень хорошо. Я в тебе не сомневался.

— У меня к тебе одна просьба есть, — голос Веданта вдруг утратил пророческую твёрдость и стал мягче, человеческое.

— Я слушаю вас, ачарья-джи.

— Возьми с собой Гиту, сынок. Я прошу тебя об этом не как брахман, а как друг. Ты ведь знаешь — война забрала у неё всех. Будь ей как отец.

— А как же вы?

Старик повернулся к Джагату всем телом, и фермер увидел, как тот дрожит — не от страха, а от колоссального напряжения воли. Каждое слово давалось ему с трудом, но он произносил их так, будто высекал в камне:

— Мой путь закончится здесь. Кришна призвал меня не для того, чтобы я прятался в пещере. Когда пламя опадёт и воздух станет ядом, тысячи людей — обожжённых, ослепших — будут умирать прямо на этих дорогах. Им нужен будет тот, кто прочтёт над ними молитву. Кто даст им воду. Кто скажет, что Ямарадж примет их с миром. Я — брахман. Я воин духа. Моё место здесь.

Джагат выдержал его взгляд и медленно, осознанно склонил голову:

— Я обещаю, что буду заботиться о ней как о родной до-

чери.

— Благослови тебя Господь, Джагат. Я в тебе не сомневался.

Старик опёрся на посох и поднялся. Движение далось ему с видимым усилием, но, выпрямившись, он вновь обрёл ту спокойную величавость, с которой когда-то входил в этот дом.

— Гита, — позвал он негромко. — Подойди ко мне.

Девочка появилась из-за занавески бесшумно, словно ждала за ней всё это время. Она переводила взгляд с деда на Джагата и обратно — и по лицам взрослых уже всё понимала без слов.

Ведант достал из сумки тяжёлый свёрток, обёрнутый в оранжевый шёлк. Книга. Старая, с пожелтевшими страницами, пахнущая сандалом и временем. «Махабхарата».

— Возьми, Гита. Это мой тебе подарок. Читай внимательно этот священный текст и помни: ты внучка брахмана, хранительница памяти наших предков.

— О чём ты говоришь, дедушка? Что случилось?

— Кришна слышал тебя, солнышко моё, — голос старика дрогнул впервые за весь разговор. — Во сне Он назвал твоё имя. Он сказал, что твои молитвы чисты. Поэтому твой путь, дитя, лежит через горы, в монастырь Ки. И этот путь ты пройдёшь вместе с нашим верным другом Джагатом.

Гита дрожащими руками прижала тяжёлую книгу к груди. Костяшки пальцев побелели — так сильно она вцепилась в

свёрток.

— Дедушка, я... я хочу быть как ты, — прошептала она, глотая слёзы. — Я буду риши. Я буду читать мантры и помогать людям.

Губы старика тронула слабая, печальная улыбка. Он прижал её голову к своей груди, глядя по спутанным чёрным волосам. На мгновение он закрыл глаза — и лицо его стало лицом человека, который прощается.

Джагат Сандху смотрел на них, чувствуя, как к горлу подступает ком. Он всё ещё не до конца верил в происходящее. Где-то на краю сознания теплилась надежда, что это просто дурной сон, что сейчас он проснётся и всё будет как прежде.

Глава 3. Путь в горы

Сборы заняли два дня.

Первым, кому Джагат рассказал о пророчестве, был его младший брат Бхагат — тот самый, что из-за ранения вернулся домой три месяца назад. Бхагат выслушал молча, ни разу не перебив. Когда Джагат закончил, он кивнул — коротко, по-военному:

— Я с семьёй иду. Помогу с организацией охраны обоза, к тому же наши меня знают и в пути подсобят.

Мать и отец выслушали иначе. Старая Рукмини сидела на циновке, перебирая чётки, и смотрела в стену. Отец, Амар Сандху, сухой, как выжженное солнцем поле, старик с лицом, изрезанным морщинами, долго молчал, прежде чем ответить:

— Мы остаёмся. Это наша земля. Здесь покоятся наши предки. Здесь умрём и мы.

— Отец, мир катится в бездну, скоро полыхнут ядерные пожары, а в горах...

— Я сказал.

Средний брат, Радж, колебался дольше всех. Он переводил взгляд с родителей на Джагата, мял в руках край пропитанной потом рубахи, кусал губы. Наконец сказал — и голос его дрогнул:

— Я останусь. Кто-то должен заботиться о стариках. Да и

может, обойдётся.

Джагат ничего не ответил. Он обнял брата и почувствовал, как тот дрожит.

Сестра, Ананди, пришла сама — с мужем Пракашем и двумя сыновьями-подростками. Пракаш, высокий молчаливый кузнец, положил на стол охотничье ружьё и сказал только:

— Мы с тобой.

К утру второго дня в путь отправились три семьи: Джагата, Бхагата и Пракаша — и, конечно, Гита — молчаливая, с книгой в холщовой сумке, которую она больше не выпускала из рук.

В общей сложности восемнадцать человек. Восемь взрослых, остальные — дети и подростки. С собой взяли старый дизельный трактор и три телеги, запряжённые волами. Трактор тащил самую тяжёлую поклажу: инструменты, канистры с топливом, запасные части. Телеги везли зерно, одежду, утварь и тёплые вещи.

На закате они вышли. Бхагат шагал впереди, положив руку на приклад автомата. Джагат вёл трактор, а за управление телегами отвечали Пракаш с сыновьями.

Дорога до Киббера заняла почти две недели.

Первые дни дались тяжело, но ровно: равнина ещё держала, колёса катились по сухой, выжженной земле, и только к вечеру каждого дня на горизонте поднималась плотная стена горячей пыли. Но чем выше они поднимались, тем труднее

становился путь.

Горная тропа вилась вдоль обрывов, ныряла в ущелья, карабкалась по опасным осыпям. Воздух менялся. Ожидаемой горной свежести не было — ледники интенсивно таяли последние пять лет, и вместо чистых ручьёв ущелья дышали сырой, удушливой теплыней. Горные реки внизу ревели от грязной талой воды, ворочая вековые валуны. Дорогу то и дело пересекали свежие оползни. Трактор приходилось глушить и ждать, пока мужчины расчистят завалы. На третий день Гита привлекла внимание Киран: она показала девочке на далёкую, обнажившуюся чёрную вершину, где посреди серых скал сиротливо блестел лишь тонкий, тающий лоскут ледника. Девочки долго шептались о чём-то своём, испуганно глядя из телеги на этот изменившийся, стремительно творящий воду мир.

Дорога к Казе шла через узкие горные горловины, которые в пламени гражданской войны превратились в укрепрайоны. На подступах к главному перевалу путь обозу преградил блокпост. Дорогу перекрывали взорванные грузовики и бетонные блоки, опутанные колючей проволокой. На скалах над ними чернели бойницы пулемётных гнёзд. Это были силы местной горной самообороны — ополченцы из народности спити. В эти безжизненные выси не бежали люди — здесь не было еды. Эти территории имели только стратегическое значение для военных.

Трактор Джагата затормозил перед баррикадой. На-

встречу им вышли шестеро мужчин в камуфляжных куртках со старыми армейскими винтовками наперевес.

— Разворачивайтесь, вам здесь делать нечего, — на ломаном хинди бросил старший ополченец, плотный горец со шрамом на щеке, взводя затвор.

Джагат напрягся, а кузнец Пракаш незаметно опустил ладонь на ружьё. Но Бхагат опередил их. Он спокойно спрыгнул на землю, поднял руки и сделал несколько шагов вперёд. На нём была старая армейская куртка с пограничной нашивкой.

Бхагат пристально взгляделся в лицо старшего и негромко произнёс фразу на местном диалекте бхоти — старый армейский пароль пограничников. Шрам на лице ополченца дрогнул.

— Бхагат? Пехотинец с Сиачена? — предводитель ополчения опустил оружие. — Клянусь духами гор, ты живой!

— Живой, Дордже. Живой!

— Как же я рад тебя видеть!

— И я тебя тоже!

— Куда вы идёте? Зачем вам в горы, скоро начнутся сели, и вас там похоронит заживо.

— Нам надо попасть в монастырь Ки. Так наказал нам брахман, мы не можем нарушить его волю.

Бхагат не стал расстраивать товарища по оружию: сопротивление побеждало, и, скажи он про пророчество, он мог бы прослыть паникёром.

Дордже хмуро сплюнул под колёса трактора:

— В Ки? Ламы заперли ворота ещё в первый год войны. Они никого не принимают.

— Брахман дал нам письмо, которое поможет решить этот вопрос.

— Ладно, моих парней я предупрежу по рации, до Казы вас не тронут.

Каза встретила их мёртвой, пугающей тишиной. Никаких толп беженцев. Город был наполовину сожжён, на улицах чернели остовы бронетехники. Здесь осталось от силы несколько сотен человек. Равнинные вола Пракаша уже едва дышали от горной болезни, пуская кровавую пену.

Они провели в Казе неделю в полуразрушенном ангаре, давая женщинам и детям немного акклиматизироваться и привыкнуть к разреженному воздуху, пока мужчины избавлялись от железа. Трактор пришлось продать местному коменданту ополчения. Джагат и Пракаш за два дня жёстких, опасных переговоров обменяли умирающих волов и каркас трактора на восьмерых мощных высокогорных яков. Животные были дикими, но их широкие копыта идеально держали крутые склоны.

Джагат проявил железную волю и наотрез отказался отдавать тяжёлый тракторный аккумулятор. В обмен на драгоценности у военных получилось взять десять канистр дизельного топлива.

На восьмой день они покинули Казу.

Отрезок пути до Ки, который в прошлые десятилетия преодолевали по асфальтовому серпантину, теперь выглядел иначе. Старая автомобильная дорога, вырубленная в скалах над ущельем, была мертва: мосты взорвали, а уцелевшие участки завалило оползнями. Единственным проходимым путём оказалось само русло реки Спити.

Великая горная река исчезла. Она превратилась в гигантский, обнажившийся каньон, по дну которого теперь тянулся обоз.

Джагат шёл рядом с ведущим яком-лидером, глядя под ноги. Они двигались по ровному, укатанному вековыми течениями тракту из мелкой серой гальки и сланцевого песка. Кое-где ещё блестели солоноватые, пересыхающие лужи, но в основном дно было сухим. По бокам, словно стены циклопического коридора, взмывали вверх отвесные фиолетово-серые скалы. Над головами путников, на высоте сотен метров, сиротливо висели обрушенные пролёты старых мостов.

Обоз двигался на удивление быстро, скрытый стенами каньона от ледяных ветров.

К исходу дня каньон внезапно расширился, и русло вывело их прямо к подножию колоссального скального утёса.

Джагат вытер серую грязь с лица и поднял глаза. Перед ними высился исполинский скальный зубец, а на его вершине, словно грозная белая цитадель, громоздился монастырь Ки. На фоне фиолетовых, полностью лишённых снега гор он

выглядел как безмолвный каменный склеп.

Глава 4. Монастырь Ки

У подножия монастырской скалы раскинулась деревня Ки — несколько десятков глинобитных домов, прилепившихся к крутому склону, как ласточкины гнёзда. Многие жилища находились в полуразрушенном состоянии: просевшие крыши, выбитые окна, закопчённые стены. Как оказалось, жителей здесь осталось совсем чуть-чуть: в основном исхудавшие женщины, подростки и несколько стариков. Почти всех крепких мужчин поглотила война. Деревня находилась на грани вымирания и выживала из последних сил, собирая сухой ячий навоз для обогрева и высаживая скудный ячмень на каменистых террасах.

Появление обоза застало местных врасплох. Из домов высыпали немногие обитатели, испуганно и настороженно разглядывая пришельцев. Старшая общины, пожилая женщина с лицом, похожим на сушёную сливу, вышла вперёд и, опираясь на суковатый посох, произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.